

Житие святой преподобномученице великой княгине Елисавете

Краткое житие преподобномученицы великой княгини Елисаветы

Преподобномученица великая княгиня Елисавета родилась 20 октября 1864 года в протестантской семье великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвига IV и принцессы Алисы, дочери английской королевы Виктории. В 1884 году она вышла замуж за великого князя Сергея Александровича, брата императора Российского Александра III.

Видя глубокую веру своего супруга, великая княгиня всем сердцем искала ответ на вопрос – какая же религия истинна? Она горячо молилась и просила Господа открыть ей Свою волю. 13 апреля 1891 года, в Лазареву субботу, над Елисаветой Феодоровной был совершен чин принятия в Православную Церковь. В том же году великий князь Сергей Александрович был назначен генерал-губернатором Москвы.

Посещая храмы, больницы, детские приюты, дома для престарелых и тюрьмы, великая княгиня видела много страданий. И везде она старалась сделать что-либо для их облегчения.

После начала в 1904 году русско-японской войны Елисавета Феодоровна во многом помогала фронту, русским воинам. Трудилась она до полного изнеможения.

5 февраля 1905 года произошло страшное событие, изменившее всю жизнь Елисаветы Феодоровны. От взрыва бомбы революционера-террориста погиб великий князь Сергей Александрович. Бросившаяся к месту взрыва Елисавета Феодоровна увидела картину, по своему ужасу пре-восходившую человеческое воображение. Молча, без крика и слез, стоя на коленях в снегу, она начала собирать и класть на носилки части тела горячо любимого и живого еще несколько минут назад мужа.

В час тяжелого испытания Елисавета Феодоровна просила помощи и утешения у Бога. На следующий день она причастилась Святых Тайн в храме Чудова монастыря, где стоял гроб супруга. На третий день после гибели мужа Елисавета Феодоровна поехала в тюрьму к убийце. Она не испытывала к нему ненависти. Великая княгиня хотела, чтобы он раскаялся в своем ужасном

преступлении и молил Господа о прощении. Она даже подала государю прошение о помиловании убийцы.

Елисавета Феодоровна решила посвятить свою жизнь Господу через служение людям и создать в Москве обитель труда, милосердия и молитвы. Она купила на улице Большая Ордынка участок земли с четырьмя домами и обширным садом. В обители, которая была названа Марфо-Мариинской в честь святых сестер Марфы и Марии, были созданы два храма – Марфо-Мариинский и Покровский, больница, считавшаяся впоследствии лучшей в Москве, и аптека, в которой лекарства отпускались бедным бесплатно, детский приют и школа. Вне стен обители был устроен дом-больница для женщин, больных туберкулезом.

10 февраля 1909 года обитель начала свою деятельность. 9 апреля 1910 года за всенощным бдением епископ Дмитровский Трифон (Туркестанов; † 1934) по чину, разработанному Святым Синодом, посвятил насельниц в звание крестовых сестер любви и милосердия. Сестры дали обет, по примеру инокинь, проводить девственную жизнь в труде и молитве. На следующий день за Божественной литургией святитель Владимир, митрополит Московский и Коломен-

ский, возложил на сестер восьмиконечные кипарисовые кресты, а Елисавету Феодоровну возвел в сан настоятельницы обители. Великая княгиня сказала в тот день: "Я оставляю блестящий мир ... но вместе со всеми вами я восхожу в более великий мир – в мир бедных и страдающих".

В Марфо-Мариинской обители великая княгиня Елисавета Феодоровна вела подвижническую жизнь: спала на деревянной кровати без матраса, часто не более трех часов; пищу употребляла весьма умеренно и строго соблюдала посты; в полночь вставала на молитву, а потом обходила все палаты больницы, нередко до рассвета оставаясь у постели тяжелобольного. Она говорила сестрам обители: "Не страшно ли, что мы из ложной гуманности стараемся усыплять таких страдальцев надеждой на их мнимое выздоровление. Мы оказали бы им лучшую услугу, если бы заранее подготовили их к христианскому переходу в вечность". Без благословения духовника обители протоиерея Митрофана Серебрянского и без советов старцев Оптиной Введенской пустыни, других монастырей она ничего не предпринимала. За полное послушание старцу она получила от Бога внутреннее утешение и стяжала мир в своей душе.

С начала Первой мировой войны Великая княгиня организовала помошь фронту. Под ее руководством формировались санитарные поезда, устраивались склады лекарств и снаряжения, отправлялись на фронт походные церкви.

Отречение императора Николая II от престола явились большим ударом для Елисаветы Феодоровны. Душа ее была потрясена, она не могла говорить без слез. Елисавета Феодоровна видела, в какую пропасть летела Россия, и горько плакала о русском народе, о дорогой ей царской семье.

В ее письмах того времени есть следующие слова: "Я испытывала такую глубокую жалость к России и ее детям, которые в настоящее время не знают, что творят. Разве это не большой ребенок, которого мы любим во сто раз больше во время его болезни, чем когда он весел и здоров? Хотелось бы понести его страдания, помочь ему. Святая Россия не может погибнуть. Но Великой России, увы, больше нет. Мы... должны устремить свои мысли к Небесному Царству... и сказать с покорностью: "Да будет воля Твоя".

Великую княгиню Елисавету Феодоровну арестовали на третий день святой Пасхи 1918 года, в Светлый вторник. В тот день святитель Тихон служил молебен в обители.

С ней разрешили поехать сестрам обители Варваре Яковлевой и Екатерине Янышевой. Их привезли в сибирский город Алапаевск 20 мая 1918 года. Сюда же были доставлены великий князь Сергей Михайлович и его секретарь Феодор Михайлович Ремез, великие князья Иоанн, Константин и Игорь Константиновичи и князь Владимир Палей. Спутниц Елисаветы Феодоровны отправили в Екатеринбург и там отпустили на свободу. Но сестра Варвара добилась, чтобы ее оставили при великой княгине.

5(18) июля 1918 года узников ночью повезли в направлении деревни Синячихи. За городом, на заброшенном руднике, и совершилось кровавое преступление. С площадной руганью, избивая мучеников прикладами винтовок, палачи стали бросать их в шахту. Первой столкнули великую княгиню Елисавету. Она крестилась и громко молилась: "Господи, прости им, не знают, что делают!"

Елисавета Феодоровна и князь Иоанн упали не на дно шахты, а на выступ, находящийся на глубине 15 метров. Сильно израненная, она оторвала от своего апостольника часть ткани и сделала перевязку князю Иоанну, чтобы облегчить его страдания. Крестьянин, случайно оказавшийся неподалеку от шахты, слышал, как в глубине

шахты звучала Херувимская песнь – это пели мученики.

Несколько месяцев спустя армия адмирала Александра Васильевича Колчака заняла Екатеринбург, тела мучеников были извлечены из шахты. У преподобномучениц Елисаветы и Варвары и у великого князя Иоанна пальцы были сложены для крестного знамения.

При отступлении Белой армии гробы с мощами преподобномучениц в 1920 году были доставлены в Иерусалим. В настоящее время их мощи почивают в храме равноапостольной Марии Магдалины у подножия Елеонской горы.

Преподобномученица инокиня Варвара была крестовой сестрой и одной из первых насельниц Марфо-Мариинской обители в Москве. Будучи келейницей и сестрой, самой близкой к великой княгине Елисавете Феодоровне, она не превозносилась и не гордилась этим, а была со всеми добра, ласкова и обходительна, и все любили ее. В Екатеринбурге сестру Варвару отпустили на свободу, но и она, и другая сестра – Екатерина Янышева просили вернуть их в Алапаевск. В ответ на запугивания Варвара сказала, что готова разделить судьбу своей матушки-настоятельницы. Как более старшую по возрасту, в Алапаевск

вернули ее. Мученическую кончину она приняла в возрасте около 35 лет.

Память преподобномучениц великой княгини Елисаветы и инокини Варвары совершается 5 (18) июля и в день Собора новомучеников и исповедников Российских.

Полное житие преподобномученицы великой княгини Елисаветы

Святая преподобномученица великая княгиня Елисавета Феодоровна была вторым ребенком в семье великого герцога Гессен-Дармштадского Людвига IV и принцессы Алисы, дочери королевы английской Виктории. Еще одна дочь этой четы – Алиса станет впоследствии императрицей Российской Александрой Феодоровной.

Дети воспитывались в традициях старой Англии, их жизнь проходила по строгому порядку, установленному матерью. Детская одежда и еда были самыми простыми. Старшие дочери сами выполняли свою домашнюю работу: убирали комнаты, постели, топили камин. Впоследствии Елисавета Феодоровна говорила: «В доме меня научили всему». Мать внимательно следила за талантами и наклонностями каждого из семерых детей и старалась воспитать их на твердой осно-

ве христианских заповедей, вложить в сердца любовь к ближним, особенно к страждущим.

Родители Елисаветы Феодоровны раздали большую часть своего состояния на благотворительные нужды, а дети постоянно ездили с матерью в госпитали, приюты, дома для инвалидов, принося с собой большие букеты цветов, ставили их в вазы, разносили по палатам больных.

Елисавета с детства любила природу и особенно цветы, которые увлеченно рисовала. У нее был живописный дар, и всю жизнь она много времени уделяла этому занятию. Любила классическую музыку. Все, знавшие Елисавету с детства, отмечали ее религиозность и любовь к ближним. Как говорила впоследствии сама Елисавета Феодоровна, на нее еще в самой ранней юности имели огромное влияние жизнь и подвиги святой Елисаветы Тюрингенской, в честь которой она носила свое имя.

В 1873 году разбрелся насмерть на глазах у матери трехлетний брат Елисаветы Фридрих. В 1876 г. в Дармштадте началась эпидемия дифтерита, заболели все дети, кроме Елисаветы. Мать просиживала ночами у постелей заболевших детей. Вскоре умерла четырехлетняя Мария, а вслед за ней заболела и умерла сама великая герцогиня Алиса в возрасте 35 лет.

В тот год закончилась для Елисаветы пора детства. Горе усилило ее молитвы. Она поняла, что жизнь на земле – путь Креста. Ребенок всеми силами старался облегчить горе отца, поддержать его, утешить, а младшим своим сестрам и брату в какой-то мере заменить мать.

На двадцатом году жизни принцесса Елисавета стала невестой великого князя Сергея Александровича, пятого сына императора Александра II, брата императора Александра III. Она познакомилась с будущим супругом в детстве, когда он приезжал в Германию со своей матерью, императрицей Марией Александровной, также происходившей из Гессенского дома. До этого все претенденты на ее руку получали отказ: принцесса Елисавета в юности дала обет девства (безбрачия). После откровенной беседы ее с Сергеем Александровичем выяснилось, что он тайно дал обет девства. По взаимному согласию брак их был духовным, они жили как брат с сестрой.

Вся семья сопровождала принцессу Елисавету на свадьбу в Россию. Вместе с ней приехала и двенадцатилетняя сестра Алиса, которая встретила здесь своего будущего супруга, цесаревича Николая Александровича.

Венчание состоялось в церкви Большого дворца Санкт-Петербурга по православному обряду, а

после него и по протестантскому в одной из гостиных дворца. Великая княгиня напряженно занималась русским языком, желая глубже изучить культуру и особенно веру новой своей родины.

Великая княгиня Елисавета была ослепительно красива. В те времена говорили, что в Европе есть только две красавицы, и обе – Елисаветы: Елисавета Австрийская, супруга императора Франца-Иосифа, и Елисавета Феодоровна.

Большую часть года великая княгиня жила с супругом в их имении Ильинское, в шестидесяти километрах от Москвы, на берегу Москвы-реки. Она любила Москву с ее старинными храмами, монастырями и патриархальным бытом. Сергей Александрович был глубоко религиозным человеком, строго соблюдал все церковные каноны, посты часто ходил на службы, ездил в монастыри – великая княгиня везде следовала за мужем и приставала долгие церковные службы. Здесь она испытывала удивительное чувство, так непохожее на то, что встречала в протестантской кирке. Она видела радостное состояние Сергея Александровича после принятия им Святых Таин Христовых и ей самой так захотелось подойти к Святой Чаше, чтобы разделить эту радость. Елисавета Феодоровна стала просить му-

жа достать ей книги духовного содержания, православный катехизис, толкование Писания, чтобы умом и сердцем постичь, какая же религия истинна.

В 1888 году император Александр III поручил Сергею Александровичу быть его представителем на освящении храма святой Марии Магдалины в Гефсимании, построенного на Святой Земле в память их матери императрицы Марии Александровны. Сергей Александрович уже был на Святой Земле в 1881 году, где участвовал в основании Православного Палестинского Общества, став председателем его. Это общество изыскивало средства для помощи Русской Миссии в Палестине и паломникам, расширения миссионерской работы, приобретения земель и памятников, связанных с жизнью Спасителя.

Узнав о возможности посетить Святую Землю, Елисавета Феодоровна восприняла это как Промысл Божий и молилась о том, чтобы у Гроба Господня Спаситель Сам открыл ей Свою волю.

Великий князь Сергей Александрович с супругой прибыл в Палестину в октябре 1888 года. Храм святой Марии Магдалины был построен в Гефсиманском саду, у подножия Елеонской горы. Этот пятиглавый храм с золотыми куполами и до сего дня – один из красивейших храмов Иерусалима.

На вершине Елеонской горы высилась огромная колокольня, прозванная «русской свечой». Увидев эту красоту и благодать, великая княгиня сказала: «Как я хотела бы быть похороненной здесь». Тогда она не знала, что произнесла пророчество, которому суждено исполниться. В дар храму святой Марии Магдалины Елизавета Феодоровна привезла драгоценные сосуды, Евангелие и воздухи.

После посещения Святой Земли великая княгиня Елизавета Феодоровна твердо решила перейти в православие. От этого шага ее удерживал страх причинить боль своим родным, и прежде всего отцу. Наконец, 1 января 1891 года она написала отцу письмо о своем решении.

Это письмо показывает, какой путь прошла Елизавета Феодоровна. Мы приведем его почти полностью:

« ... А теперь, дорогой Папа, я хочу что-то сказать Вам и умоляю Вас дать Ваше благословение. Вы должны были заметить, какое глубокое благоговение я питаю к здешней религии с тех пор, как Вы были здесь в последний раз – более полутора лет назад. Я все время думала и читала и молилась Богу – указать мне правильный путь, и пришла к заключению, что только в этой религии я могу найти всю настоящую и сильную веру

в Бога, которую человек должен иметь, чтобы быть хорошим христианином. Это было бы грехом оставаться так, как я теперь – принадлежать к одной церкви по форме и для внешнего мира, а внутри себя молиться и верить так, как и мой муж. Вы не можете себе представить, каким он был добрым, что никогда не старался принудить меня никакими средствами, представляя все это совершенно одной моей совести. Он знает, какой это серьезный шаг, и что надо быть совершенно уверенной, прежде чем решиться на него. Я бы это сделала даже и прежде, только мучило меня то, что этим я доставляю Вам боль. Но Вы, разве Вы не поймете, мой дорогой Папа? Вы знаете меня так хорошо, Вы должны видеть, что я решилась на этот шаг только по глубокой вере и что я чувствую, что перед Богом я должна предстать с чистым и верующим сердцем. Как было бы просто – оставаться так, как теперь, но тогда как лицемерно, как фальшиво это бы было, и как я могу лгать всем – притворяясь, что я протестантка во всех внешних обрядах, когда моя душа принадлежит полностью религии здесь. Я думала и думала глубоко обо всем этом, находясь в этой стране уже более 6 лет, и зная, что религия «найдена». Я так сильно желаю на Пасху причаститься Св. Тайн вместе с моим мужем. Возможно, что это покажется Вам внезапным, но я думала об этом уже

так долго, и теперь, наконец, я не могу откладывать этого. Моя совесть мне это не позволяет. Прошу, прошу по получении этих строк простить Вашу дочь, если она Вам доставит боль. Но разве вера в Бога и вероисповедание не являются одним из главных утешений этого мира? Пожалуйста, протелеграфируйте мне только одну строчку, когда Вы получите это письмо. Да благословит Вас Господь. Это будет такое утешение для меня, потому что я знаю, что будет много неприятных моментов, так как никто не поймет этого шага. Прошу только маленькое ласковое письмо».

Отец не послал дочери желаемой телеграммы с благословением, а написал письмо, в котором говорил что решение ее приносит ему боль и страдание, и он не может дать благословения. Тогда Елизавета Феодоровна проявила мужество и, несмотря на моральные страдания твердо решила перейти в православие. Еще несколько отрывков из ее писем близким:

« ... Моя совесть не позволяет мне продолжать в том же духе – это было бы грехом; я лгала все это время, оставаясь для всех в моей старой вере ... Это было бы невозможным для меня продолжать жить так, как я раньше жила ...

... Даже по-славянски я понимаю почти все, никогда не уча его. Библия есть и на славянском и на русском языке, но на последнем легче читать.

... Ты говоришь ... что внешний блеск церкви очаровал меня. В этом ты ошибаешься. Ничто внешнее не привлекает меня и не богослужение – но основа веры. Внешние признаки только напоминают мне о внутреннем...

... Я перехожу из чистого убеждения; чувствуя, что это самая высокая религия, и что я сделаю это с верой, с глубоким убеждением и уверенностью, что на это есть Божие благословение».

13 (25) апреля, в Лазареву субботу, было совершено Таинство Миропомазания великой княгини Елисаветы Феодоровны с оставлением ей прежнего имени, но уже в честь святой праведной Елисаветы – матери святого Иоанна Предтечи, память которой Православная церковь совершает 5 (18) сентября. После Миропомазания император Александр III благословил свою невестку драгоценной иконой Нерукотворного Спаса, которую Елисавета Феодоровна свято чтила всю жизнь. Теперь она могла сказать своему супругу словами Библии: «Твой народ стал моим народом, Твой Бог – моим богом!» (Руф.1:16).

В 1891 году император Александр III назначил великого князя Сергея Александровича Московским генерал-губернатором. Супруга генерал-губернатора должна была исполнять множество обязанностей – шли постоянные приемы, концерты, балы. Необходимо было улыбаться и кланяться гостям, танцевать и вести беседы независимо от настроения, состояния здоровья и желания. После переезда в Москву Елизавета Феодоровна пережила смерть близких людей: горячо любимой невестки принцессы – Александры (жены Павла Александровича) и отца. Это была пора ее душевного и духовного роста.

Жители Москвы скоро оценили ее милосердное сердце. Она ходила по больницам для бедных, в богадельни, в приюты для беспризорных детей. И везде старалась облегчить страдания людей: раздавала еду, одежду, деньги, улучшала условия жизни несчастных.

После смерти отца она с Сергеем Александровичем поехала по Волге, с остановками в Ярославле, Ростове, Угличе. Во всех этих городах супруги молились в местных храмах.

В 1894 году, после многих препятствий состоялось решение о помолвке великой княгини Алисы с наследником Российского престола Николаем Александровичем. Елизавета Феодоровна ра-

довалась тому, что молодые влюбленные смогут, наконец, соединиться, и ее сестра будет жить в дорогой ее сердцу России. Принцессе Алисе было 22 года и Елизавета Феодоровна надеялась, что сестра, живя в России, поймет и полюбит русский народ, овладеет русским языком в совершенстве и сможет подготовиться к высокому служению императрицы Российской.

Но все случилось по-иному. Невеста наследника прибыла в Россию, когда император Александр III лежал в предсмертной болезни. 20 октября 1894 года император скончался. На следующий день принцесса Алиса перешла в православие с именем Александры. Бракосочетание императора Николая II и Александры Феодоровны состоялось через неделю после похорон, а весной 1896 года состоялось коронование в Москве. Торжества омрачились страшным бедствием: на Ходынском поле, где раздавались подарки народу, началась давка – тысячи людей были ранены или задавлены.

Так началось это трагическое царствование – среди панихид и погребальных воспоминаний.

В июле 1903 года состоялось торжественное прославление преподобного [Серафима Саровского](#). В Саров прибыла вся императорская семья. Императрица Александра Феодоровна молилась

преподобному о даровании ей сына. Когда наследник престола родился, по желанию императорской четы престол нижней церкви, построенной в Царском Селе, был освящен во имя преподобного Серафима Саровского.

В Саров приехала и Елисавета Феодоровна с супругом. В письме из Сарова она пишет: « ... Какую немощь, какие болезни мы видели, но и какую веру. Казалось, мы живем во времена земной жизни Спасителя. И как молились, как плачали – эти бедные матери с больными детьми, и, слава Богу, многие исцелялись. Господь сподобил нас видеть, как немая девочка заговорила, но как молилась за нее мать ...»

Когда началась русско-японская война, Елисавета Феодоровна немедленно занялась организацией помощи фронту. Одним из ее замечательных начинаний было устройство мастерских для помощи солдатам – под них были заняты все залы Кремлевского дворца, кроме Тронного. Тысячи женщин трудились над швейными машинами и рабочими столами. Огромные пожертвования поступали со всей Москвы и из провинции. Отсюда шли на фронт тюки с продовольствием, обмундированием, медикаментами и подарками для солдат. Великая княгиня отправляла на фронт походные церкви с иконами и всем необ-

ходимым для совершения богослужения. Лично от себя посыпала Евангелия, иконки и молитвенники. На свои средства великая княгиня сформировала несколько санитарных поездов.

В Москве она устроила госпиталь для раненых, создала специальные комитеты по обеспечению вдов и сирот погибших на фронте. Но русские войска терпели одно поражение за другим. Война показала техническую и военную неподготовленность России, недостатки государственного управления. Началось сведение счетов за былые обиды произвола или несправедливости, небывалый размах террористических актов, митинги, забастовки. Государственный и общественный порядок разваливался, надвигалась революция.

Сергей Александрович считал, что необходимо принять более жесткие меры по отношению к революционерам и доложил об этом императору, сказав, что при сложившейся ситуации не может больше занимать должность генерал-губернатора Москвы. Государь принял отставку и супруги покинули губернаторский дом, переехав временно в Нескучное.

Том временем боевая организация эсеров приговорила великого князя Сергея Александровича к смерти. Ее агенты следили за ним, выжидая удобного случая, чтобы совершить казнь. Елиса-

вета Феодоровна знала, что супругу угрожает смертельная опасность. В анонимных письмах ее предупреждали, чтобы она не сопровождала своего мужа, если не хочет разделить его участь. Великая княгиня тем более старалась не оставлять его одного и, по возможности, повсюду сопровождала супруга.

5 (18) февраля 1905 года Сергей Александрович был убит бомбой, брошенной террористом Иваном Каляевым. Когда Елисавета Феодоровна прибыла к месту взрыва, там уже собралась толпа. Кто-то попытался помешать ей подойти к останкам супруга, но она своими руками собрала на носилки разбросанные взрывом куски тела мужа. После первой панихиды в Чудовом монастыре Елисавета Феодоровна возвратилась во дворец, переоделась в черное траурное платье и начала писать телеграммы, и прежде всего – сестре Александре Феодоровне, прося ее не приезжать на похороны, т.к. террористы могли использовать их для покушения на императорскую чету. Когда великая княгиня писала телеграммы, она несколько раз спрашивалась о состоянии раненного кучера Сергея Александровича. Ей сказали, что положение кучера безнадежно и он может скоро умереть. Чтобы не огорчить умирающего, Елисавета Феодоровна сняла с себя траурное платье, надела то же самое голубое, в кото-

ром была до этого, и поехала в госпиталь. Там, склонившись над постелью умирающего, она, пересилив себя, улыбнулась ему ласково и сказала: «Он направил меня к вам». Успокоенный ее словами, думая, что Сергей Александрович жив, преданный кучер Ефим скончался в ту же ночь.

На третий день после смерти мужа Елисавета Феодоровна поехала в тюрьму, где содержался убийца. Каляев сказал: «Я не хотел убивать вас, я видел его несколько раз и в то время, когда имел бомбу наготове, но вы были с ним, и я не решился его тронуть».

«И вы не сообразили того, что вы убили меня вместе с ним?» – ответила она. Далее она сказала, что принесла прощение от Сергея Александровича и просила его покаяться. Но он отказался. Все же Елисавета Феодоровна оставила в камере Евангелие и маленькую иконку, надеясь на чудо. Выходя из тюрьмы, она сказала: «Моя попытка оказалась безрезультатной, хотя, кто знает, возможно, что в последнюю минуту он осознает свой грех и раскается в нем». Великая княгиня просила императора Николая II о помиловании Каляева, но это прошение было отклонено.

Из великих князей на погребении присутствовали только Константин Константинович (К.Р.) и

Павел Александрович. Погребли его в маленькой церкви Чудова монастыря, где ежедневно в течении сорока дней совершались заупокойные панихиды; великая княгиня присутствовала на каждой службе и часто приходила сюда ночью, молясь о новопреставленном. Здесь она почувствовала благодатную помощь и укрепление от святых мощей святителя [Алексия](#), митрополита Московского, которого с тех пор особо почитала. Великая княгини носила серебряный крестик с частицей мощей святителя Алексия. Она считала, что святитель Алексий вложил в ее сердце желание посвятить Богу всю оставшуюся жизнь.

На место убийства мужа Елизавета Феодоровна воздвигла памятник – крест по проекту художника Васнецова. На памятнике были написаны слова Спасителя со Креста: «Отче, отпусти им, не ведят бо что творят».

С момента кончины супруга Елизавета Феодоровна не снимала траур, стала держать строгий пост, много молилась. Ее спальня в Николаевском дворце стала напоминать монашескую келью. Вся роскошная мебель была вынесена, стены перекрашены в белый цвет, на них находились только иконы и картины духовного содержания. На светских приемах она не появлялась. Бывала только в храме на бракосочетаниях

или крестинах родственников и друзей и сразу уходила домой или по делам. Теперь ее ничто не связывало со светской жизнью.

Она собрала все свои драгоценности, часть отдала казне, часть – родственникам, а остальное решила употребить на постройку обители милосердия. На Большой Ордынке в Москве Елисавета Феодоровна приобрела усадьбу с четырьмя домами и садом. В самом большом двухэтажном доме расположились столовая для сестер, кухня и другие хозяйственные помещения, во втором – церковь и больница, рядом – аптека и амбулатория для приходящих больных. В четвертом доме находилась квартира для священника – духовника обители, классы школы для девочек приюта и библиотека.

10 февраля 1909 года великая княгиня, собрала 17 сестер основанной ею обители, сняла траурное платье, облачилась в монашеское одеяние и сказала: «Я оставлю блестящий мир, где я занимала блестящее положение, но вместе со всеми вами я восхожу в более великий мир – в мир бедных и страдающих».

Первый храм обители («больничный») был освящен епископом Трифоном 9 (21) сентября 1909 г. (в день празднования Рождества Пресвятой Богородицы) во имя святых жен-мироносиц

Марфы и Марии. Второй храм – в честь Покрова Пресвятой Богородицы, освящен в 1911 году (архитектор А.В. Щусев, росписи М.В. Нестерова). Построенный по образцам новгородско-псковского зодчества, он сохранял теплоту и уют небольших приходских церквей. Но, тем не менее, был рассчитан на присутствие более тысячи молящихся. М.В. Нестеров сказал об этом храме: «Храм Покрова – лучший из современных сооружений Москвы, могущий при иных условиях иметь помимо прямого назначения для прихода, назначение художественно-воспитательное для всей Москвы». В 1914 году под храмом была устроена церковь – усыпальница во имя Сил Небесных и Всех Святых, которую настоятельница предполагала сделать местом своего упокоения. Роспись усыпальницы сделал П.Д. Корин, ученик М.В. Нестерова.

Знаменательно посвящение созданной обители святым женам-мироносицам Марфе и Марии. Обитель должна была стать как бы домом святого Лазаря – друга Божия, в котором так часто бывал Спаситель. Сестры обители призывались соединить высокий жребий Марии, внемлющей глаголам вечной жизни, и служение Марфы – служение Господу через ближнего своего.

В основу Марфо-Мариинской обители милосердия был положен устав монастырского общежития. 9 (22) апреля 1910 года в церкви святых Марфы и Марии епископ [Трифон \(Туркестанов\)](#) посвятил в звание крестовых сестер любви и милосердия 17 сестер обители во главе с великой княгиней Елисаветой Феодоровной. Во время торжественной службы епископ Трифон, обращаясь к уже облаченней в монашеское одеяние великой княгине, сказал: «Эта одежда скроет Вас от мира, и мир будет скрыт от Вас, но она в то же время будет свидетельницей Вашей благотворной деятельности, которая воссияет перед Господом во славу Еgo». Слова владыки Трифона сбылись. Озаренная благодатию Духа Святого деятельность великой княгини осветила огнем Божественной любви предреволюционные годы России и привела основательницу Марфо-Мариинской обители к мученическому венцу вместе с ее келейницей инокиней Варварой Яковлевой.

День в Марфо-Мариинской обители начинался в 6 часов утра. После общего утреннего молитвенного правила в больничном храме великая княгиня давала послушания сестрам на предстоящий день. Свободные от послушания оставались в храме, где начиналась Божественная литургия. Дневная трапеза проходила с чтением житий святых. В 5 часов вечера в церкви служили ве-

чернью с утреней, где присутствовали все свободные от послушаний сестры. Под праздники и воскресение совершалось всенощное бдение. В 9 часов вечера в больничном храме читалось вечернее правило, после него все сестры, получив благословение настоятельницы, расходились по келлиям. Четыре раза в неделю за вечерней читались акафисты: в воскресенье – Спасителю, в понедельник – Архангелу Михаилу и всем Бесплотным Небесным Силам, в среду – святым женам-мироносицам Марфе и Марии, и в пятницу – Божией Матери или Страстям Христовым. В часовне, сооруженной в конце сада, читалась Псалтирь по покойникам. Часто ночами молилась там сама настоятельница. Внутренней жизнью сестер руководил замечательный священник и пастырь – духовник обители, протоиерей Митрофан Серебрянский. Дважды в неделю он проводил беседы с сестрами. Кроме того, сестры могли ежедневно в определенные часы приходить за советом и наставлением к духовнику или к настоятельнице. Великая княгиня вместе с отцом Митрофаном учила сестер не только медицинским знаниям, но и духовному наставлению опустившихся, заблудших и отчаявшихся людей. Каждое воскресенье после вечерней службы в соборе Покрова Божией Матери устраивались беседы для народа с общим пением молитв.

«На всей внешней обстановке обители и самом ее внутреннем быте, и на всех вообще созданиях великой княгини, лежал отпечаток изящества и культурности не потому, что она придавала этому какое-либо самодовлеющее значение, но потому, что таково было непроизвольное действие ее творческого духа», – пишет в своих воспоминаниях митрополит Анастасий.

Богослужение в обители всегда стояло на блистательной высоте благодаря исключительным по своим пастырским достоинствам духовнику, избранному настоятельницей. Сюда приходили для совершения богослужений и проповедования лучшие пастыри и проповедники не только Москвы, но и многих отдаленных мест России. Как пчела, собирала настоятельница нектар со всех цветов, чтобы люди ощутили особый аромат духовности. Обитель, ее храмы и богослужение вызывали восхищение современников. Этому способствовали не только храмы обители, но и прекрасный парк с оранжереями – в лучших традициях садового искусства XVIII–XIX веков. Это был единый ансамбль, соединявший гармонично внешнюю и внутреннюю красоту.

Современница великой княгини – Нонна Грэйтон, фрейлина ее родственницы принцессы Виктории, свидетельствует: «Она обладала замечатель-

тельным качеством – видеть хорошее и настоящее в людях, и старалась это выявлять. Она также совсем не имела высокого мнения о своих качествах ... У нее никогда не было слов «не могу», и никогда ничего не было унылого в жизни Марфо-Мариинской обители. Все было там совершенно как внутри, так и снаружи. И кто бывал там, уносил прекрасное чувство».

В Марфо-Мариинской обители великая княгиня вела жизнь подвижницы. Спала на деревянной кровати без матраца. Строго соблюдала посты, вкушая только растительную пищу. Утром вставала на молитву, после чего распределяла послушания сестрам, работала в клинике, принимала посетителей, разбирала прошения и письма.

Вечером – обход больных, заканчивающийся заполночь. Ночью она молилась в молельне или в церкви, ее сон редко продолжался более трех часов. Когда больной метался и нуждался в помощи, она просиживала у его постели до рассвета. В больнице Елисавета Феодоровна брала на себя самую ответственную работу: ассистировала при операциях, делала перевязки, находила слова утешения, стремилась облегчить страдания больных. Они говорили, что от великой княгини исходила целебная сила, которая помогала им пе-

реносить боль и соглашаться на тяжелые операции.

В качестве главного средства от недугов настоятельница всегда предлагала исповедь и причастие. Она говорили: «Безнравственно утешать умирающих ложной надеждой на выздоровление, лучше помочь им по-христиански перейти в вечность».

Сестры обители проходили курс обучения медицинским знаниям. Главной их задачей было посещение больных, бедных, брошенных детей, оказание им медицинской, материальной и моральной помощи.

В больнице обители работали лучшие специалисты Москвы, все операции проводились бесплатно. Здесь исцелялись те, от кого отказывались врачи.

Исцеленные пациенты плакали, уходя из Марфо-Мариинской больницы, расставаясь с «великой матушкой», как они называли настоятельницу. При обители работала воскресная школа для работниц фабрики. Любой желающий мог пользоваться фондами прекрасной библиотеки. Действовала бесплатная столовая для бедных.

Настоятельница Марфо-Мариинской обители считала, что главное все же не больница, а по-

мощеь бедным и нуждающимся. Обитель получала до 12000 прошений в год. О чём только ни просили: устроить на лечение, найти работу, присмотреть за детьми, ухаживать за лежачими больными, отправить на учебу за границу.

Она находила возможности для помощи духовенству – давала средства на нужды бедных сельских приходов, которые не могли отремонтировать храм или построить новый. Она ободряла, укрепляла, помогала материально священникам-миссионерам, трудившимся среди язычников Крайнего Севера или инородцев окраин России.

Одним из главных мест бедности, которому великая княгиня уделяла особое внимание, был Хитров рынок. Елизавета Феодоровна в сопровождении своей келейницы Варвары Яковлевой или сестры обители княжны Марии Оболенской, неутомимо переходя от одного притона к другому, собирала сирот и уговаривала родителей отдать ей на воспитание детей. Все население Хитрова уважало ее, называя «сестрой Елизаветой» или «матушкой». Полиция постоянно предупреждала ее, что не в состоянии гарантировать ей безопасность. В ответ на это великая княгиня всегда благодарила полицию за заботу и говорила, что ее жизнь не в их руках, а в руках Божи-

их. Она старалась спасать детей Хитровки. Ее не пугали нечистота, брань, потерявший человеческий облик лица. Она говорила: «Подобие Божие может быть иногда затемнено, но оно никогда не может быть уничтожено».

Мальчиков, вырванных из Хитровки, она устраивала в общежития. Из одной группы таких недавних оборванцев образовалась артель исполнительных посыльных Москвы. Девочек устраивала в закрытые учебные заведения или приюты, где также следили за их здоровьем, духовным и физическим.

Елисавета Феодоровна организовала дома призрения для сирот, инвалидов, тяжело больных, находила время для посещения их, постоянно поддерживала материально, привозила подарки. Рассказывают такой случай: однажды великая княгиня должна была приехать в приют для маленьких сирот. Все готовились достойно встретить свою благодетельницу. Девочкам сказали, что приедет великая княгиня: нужно будет поздороваться с ней и поцеловать ручки. Когда Елисавета Феодоровна приехала – ее встретили малютки в белых платьицах. Они дружно поздоровались и все протянули свои ручки великой княгине со словами: «целуйте ручки». Воспитательницы ужаснулись: что же будет. Но великая

княгиня подошла к каждой из девочек и всем поцеловала ручки. Плакали при этом все – такое умиление и благоговение было на лицах и в сердцах.

«Великая матушка» надеялась, что созданная ею Марфо-Мариинская обитель Милосердия расцветет большим плодоносным древом.

Со временем она собиралась устроить отделения обители и в других городах России.

Великой княгине была присуща исконно русская любовь к паломничеству.

Не раз ездила она в Саров и с радостью спешила в храм, чтобы помолиться у раки преподобного Серафима. Ездила она во Псков, в Оптину пустынь, в Зосимову пустынь, была в Соловецком монастыре. Посещала и самые маленькие монастыри в захолустных и отдаленных местах России. Присутствовала на всех духовных торжествах, связанных с открытием или перенесением мощей угодников Божиих. Больным паломникам, ожидавшим исцеления от новопрославляемых святых, великая княгиня тайно помогала, ухаживала за ними. В 1914 году она посетила монастырь в Алапаевске, которому суждено было стать местом ее заточения и мученической смерти.

Она была покровительницей русских паломников, отправлявшихся в Иерусалим. Через общества организованные ею, покрывалась стоимость билетов паломников, плывущих из Одессы в Яффу. Она построила также большую гостиницу в Иерусалиме.

Еще одно славное деяние великой княгини – постройка русского православного храма в Италии, в городе Бари, где покоятся мощи святителя Николая Мирликийского. В 1914 году был освящен нижний храм в честь святителя Николая и странноприимный дом.

В годы первой мировой войны трудов у великой княгини прибавилось: необходимо было ухаживать за ранеными в лазаретах. Часть сестер обители была отпущена для работы в полевом госпитале. Первое время Елисавета Феодоровна, побуждаемая христианским чувством, навещала и пленных немцев, но клевета о тайной поддержке противника заставила ее отказаться от этого.

В 1916 году к воротам обители подошла разъяренная толпа с требованием выдать германского шпиона – брата Елисаветы Феодоровны, якобы скрывавшегося в обители. Настоятельница вышла к толпе одна и предложила осмотреть все помещения обчины. Господь не допустил погиб-

нуть ей в этот день. Конный отряд полиции разогнал толпу.

Вскоре после Февральской революции к обители снова подошла толпа с винтовками, красными флагами и бантами. Сама настоятельница открыла ворота – ей объявили, что приехали, чтобы арестовать ее и предать суду как немецкую шпионку, к тому же хранящую в монастыре оружие.

На требование пришедших немедленно ехать с ними великая княгиня сказала, что должна сделать распоряжения и проститься с сестрами. Настоятельница собрала всех сестер в обители и попросила отца Митрофана служить молебен. Потом, обратясь к революционерам, пригласила войти их в церковь, но оставить оружие у входа. Они нехотя сняли винтовки и последовали в храм.

Весь молебен Елисавета Феодоровна простояла на коленях. После окончания службы она сказала, что отец Митрофан покажет им все постройки обители, и они могут искать то, что хотят найти. Конечно, ничего там не нашли, кроме келлий сестер и госпиталя с больными. После ухода толпы Елисавета Феодоровна сказала сестрам: «Очевидно, мы недостойны еще мученического венца».

Весной 1917 года к ней приехал шведский министр по поручению кайзера Вильгельма и предложил ей помочь в выезде за границу. Елисавета Феодоровна ответила, что решила разделить судьбу страны, которую считает своей новой родиной, и не может оставить сестер обители в это трудное время.

Никогда не было за богослужением в обители столько народа, как перед октябрьским переворотом. Шли не только за тарелкой супа или медицинской помощью, сколько за утешением и советом «великой матушки». Елисавета Феодоровна всех принимала, выслушивала, укрепляла. Люди уходили от нее умиротворенными и ободренными.

Первое время после октябрьского переворота Марфо-Мариинскую обитель не трогали. Напротив, сестрам оказывали уважение, два раза в неделю к обители подъезжал грузовик с продовольствием: черный хлеб, вяленая рыба, овощи, немного жиров и сахара. Из медикаментов выдавали в ограниченном количестве перевязочный материал и лекарства первой необходимости.

Но все вокруг были напуганы, покровители и состоятельные дарители теперь боялись оказывать помощь обители. Великая княгиня во избежание

provokacii ne выходила за ворота, сестрам также было запрещено выходить на улицу. Однако установленный распорядок дня обители не менялся, только длиннее стали службы, горячее молитва сестер. Отец Митрофан каждый день служил в переполненной церкви Божественную литургию, было много причастников. Некоторое время в обители находилась чудотворная икона Божией Матери Державная, обретенная в подмосковном селе Коломенском в день отречения императора Николая П от престола. Перед иконой совершались соборные моления.

После заключения Брест-Литовского мира германское правительство добилось согласия советской власти на выезд великой княгини Елизаветы Феодоровны за границу. Посол Германии граф Мирбах дважды пытался увидеться с великой княгиней, но она не приняла его и категорически отказалась уехать из России. Она говорила: «Я никому ничего дурного не сделала. Буди воля Господня!»

Спокойствие в обители было зтишьем перед бурей. Сначала прислали анкеты – опросные листы для тех, кто проживал и находился на лечении: имя, фамилия, возраст, социальное происхождение и т.д. После этого были арестованы несколько человек из больницы. Затем объявили, что си-

рот переведут в детский дом. В апреле 1918 года, на третий день Пасхи, когда Церковь празднует память Иверской иконы Божией Матери, Елизавету Феодоровну арестовали и немедленно вывезли из Москвы. В этот день святейший патриарх [Тихон](#) посетил Марфо-Мариинскую обитель, где служил Божественную литургию и молебен. После службы патриарх до четырех часов дня находился в обители, беседовал с настоятельницей и сестрами. Это было последней благословение и напутствие главы Российской Православной Церкви перед крестным путем великой княгини на Голгофу.

Почти сразу после отъезда патриарха Тихона к обители подъехала машина с комиссаром и красноармейцами-латышами. Елизавете Феодоровне приказали ехать с ними. На сборы дали полчаса. Настоятельница успела лишь собрать сестер в церкви святых Марфы и Марии и дать им последнее благословение. Плакали все присутствующие, зная, что видят свою мать и настоятельницу в последний раз. Елизавета Феодоровна благодарила сестер за самоотверженность и верность и просила отца Митрофана не оставлять обители и служить в ней до тех пор, пока это будет возможным.

С великой княгиней поехали две сестры – Варвара Яковleva и Екатерина Янышева. Перед тем, как сесть в машину, настоятельница осенила всех крестным знамением.

Узнав о случившемся, патриарх Тихон пытался через различные организации, с которыми считалась новая власть, добиться освобождения великой княгини. Но старания его оказались тщетными. Все члены императорского дома были обречены.

Елизавету Феодоровну и ее спутниц направили по железной дороге в Пермь.

Последние месяцы своей жизни великая княгиня провела в заключении, в школе, на окраине города Алапаевска, вместе с великим князем Сергеем Михайловичем (младшим сыном великого князя Михаила Николаевича, брата императора Александра II), его секретарем – Феодором Михайловичем Ремезом, тремя братьями – Иоанном, Константином и Игорем (сыновьями великого князя Константина Константиновича) и князем Владимиром Палеем (сыном великого князя Павла Александровича). Конец был близок. Матушка-настоятельница готовилась к этому исходу, посвящая все время молитве.

Сестер, сопровождающих свою настоятельницу, привезли в областной совет и предложили отпустить на свободу. Обе умоляли вернуть их к великой княгине, тогда чекисты стали пугать их пытками и мучениями, которые предстоят всем, кто останется с ней. Варвара Яковleva сказала, что готова дать подпиську даже своей кровью, что желает разделить судьбу с великой княгиней. Так крестовая сестра Марфо-Мариинской обители Варвара Яковleva сделала свой выбор и присоединилась к узникам, ожидавшим решения своей участи.

Глубокой ночью 5 (18) июля 1918 г., в день обретения мощей преподобного Сергия Радонежского, великую княгиню Елизавету Феодоровну вместе с другими членами императорского дома бросили в шахту старого рудника. Когда озверевшие палачи сталкивали великую княгиню в черную яму, она произносила молитву, дарованную Распятым на Кресте Спасителем мира: «Господи, прости им, ибо не знают, что делают» (Лк.23,34). Затем чекисты начали бросать в шахту ручные гранаты. Один из крестьян, бывший свидетелем убийства, говорил, что из глубины шахты слышалось пение Херувимской. Ее пели новомученики Российские перед переходом в вечность. Скончались они в страшных страданиях, от жажды, голода и ран.

Великая княгиня упала не на дно шахты, а на выступ, который находился на глубине 15 метров. Рядом с ней нашли тело Иоанна Константиновича с перевязанной головой. Вся переломанная, с сильнейшими ушибами, она и здесь стремилась облегчить страдания ближнего. Пальцы правой руки великой княгини и инокини Варвары оказались сложенными для крестного знамения.

Останки настоятельницы Марфо-Мариинской обители и ее верной келейницы Варвары в 1921 году были перевезены в Иерусалим и положены в усыпальнице храма святой равноапостольной Марии Магдалины в Гефсимании.

В 1931 году, накануне канонизации новомучеников российских Русской Православной Церкви за границей, их гробницы решили вскрыть. Вскрытие производила в Иерусалиме комиссия во главе с начальником Русской Духовной Миссии архимандритом Антонием (Граббе). Гробницы новомучениц поставили на амвон перед Царскими вратами. По промыслу Божию случилось так, что архимандрит Антоний остался один у запаянных гробов. Неожиданно гроб великой княгини Елисаветы открылся. Она встала и подошла к отцу Антонию за благословением. Потрясенный отец Антоний дал благословение, по-

сле чего новомученица вернулась в свой гроб, не оставив никаких следов. Когда открыли гроб с телом великой княгини, то помещение наполнилось благоуханием. По словам архимандрита Антония, чувствовался «сильный запах как бы меда и жасмина». Мощи новомучениц оказались частично нетленными.

Патриарх Иерусалимский Диодор благословил совершить торжественное перенесение мощей новомучениц из усыпальницы, где они до этого находились, в самый храм святой Марии Магдалины. Назначили день 2 мая 1982 г. – праздник святых Жен Мироносиц. В этот день за богослужением употреблялись Святая Чаша, Евангелие и воздухи, преподнесенные храму самой великой княгиней Елисаветой Феодоровной, когда она была здесь в 1886 году.

Архиерейский Собор Русской Православной Церкви в 1992 году причислил к лику святых новомучеников России преподобномученицу великую княгиню Елизавету и инокиню Варвару, установив им празднование в день кончины – 5 (18) июля.